
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Теория и история культуры, искусства

УДК 008:1-027.21, 008(091)

Н. А. Хренов

<https://orcid.org/0000-0002-6890-7894>

Соперничество цивилизаций за лидерство в истории: Америка как тип цивилизации в XX веке (культурологический аспект)

Для цитирования: Хренов Н. А. Соперничество цивилизаций за лидерство в истории: Америка как тип цивилизации в XX веке (культурологический аспект) // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 187–199. DOI 10.20323/2499-9679-2021-2-25-187-199

В публикуемом фрагменте большой работы о взаимоотношениях на рубеже XX–XXI веков трех цивилизаций – Америки, Китая и России по принципу «другого», основное внимание уделено становлению Америки как цивилизации особого типа в ритмах, присущих истекшему столетию. Зафиксировано, что Америка именно в XX веке перестает быть только частью Старого света, становясь самостоятельным типом цивилизации, а, начиная с Хиросимы, претендуя на статус цивилизации–лидера в геополитике. Основной задачей статьи является культурфилософский ответ на вопрос, в какой ситуации в контексте цивилизационного подхода находится Америка в первых десятилетиях XX века. Автор предлагает методологически и концептуально новый путь рефлексии, связанный с отходом от идей О. Шпенглера, не включающего Америку в перечень самостоятельных цивилизаций, и экстраполяцией вывода Э. Гиббона применительно к римской цивилизации (с которой Америку часто сравнивают) о том, что ее падение началось на пике развития. На репрезентативном эмпирическом материале американского кинематографа (фильмы Ф. Ф. Копполы «Апокалипсис сегодня», А. Пенна «Маленький большой человек») выявлены и проанализированы интенции американской культуры, диагностирующие ее переход в очередную стадию ее истории с такими ее признаками, как драматизм идеологического противостояния образов «империи доверия» и «империи зла», деградация личности и социума под воздействием имперского комплекса, осознание апокалиптической сути геноцида древней цивилизации индейцев. В результате исследования убедительно доказано, что современное американское кино становится мощным средством и диагностирования ситуации, связанной с Америкой в ее настоящем виде, и с демифологизацией американской «героической» истории. Кино, таким образом, возвращая американцев из собственной виртуальной истории – симулякра в реальность, открывает возможность более глубокого понимания Америки и как типа цивилизации, и как специфической коллективной идентичности американцев. Понимания уже не с точки зрения ее правящей элиты, а просто человека. Это обстоятельство вселяет надежду на возможность более глубоких человеческих связей Америки с другими цивилизациями, которых она воспринимает по принципу «Другого».

Ключевые слова: Россия, Америка, Китай, американская цивилизация, цивилизационная идентичность, Другой, империя доверия, О. Шпенглер, Т. Мэдден, Э. Гиббон, М. Лернер, Ж. Бодрийяр, Ф. Ф. Коппола, А. Пенн, пассионарная вспышка.

ART HISTORY AND CULTURAL STUDIES

Theory and history of culture and the arts

N. A. Khrenov

Civilizations in competition for leadership in history: America as a type of civilization in the 20th century (a cultural aspect)

The article is a fragment of a bigger work on the relationships of three civilizations – America, China and Russia – at the turn of the XX–XXI centuries, based on the principle of the «Other». It focuses on the formation of America as a

---

© Хренов Н. А., 2021

special type of civilization in the pace of the past century. It is recorded that in the twentieth century America ceased to be a mere part of the Old World and became an independent type of civilization, and, beginning with Hiroshima, claimed the status of a civilization-leader in geopolitics. The aim of this article is to give an answer to the cultural and philosophical question of where America stands during the early decades of the 20th century from a civilizational perspective. The author proposes a new methodological and conceptual way of reflection connected with shifting from the ideas of O. Spengler, who did not include America in the list of independent civilizations, and extrapolating E. Gibbon's conclusion with regard to the Roman civilization (which America is often compared with) that its fall began at the peak of its development. On the basis of representative empirical material of American cinema (F. F. Coppola's *Apocalypse Now*, A. Penn's *Little Big Man*) the author identifies and analyzes the intentions of American culture, showing its transition to the next stage of its history with such signs as the dramatic ideological confrontation between the images of the «empire of trust» and the «empire of evil», the degradation of personality and society affected by the imperial complex, the awareness of the apocalyptic genocide of the ancient Indian civilization. The study provides convincing evidence that contemporary American cinema is becoming a powerful means of both diagnosing the situation of America as it is today and de-mythologizing American «heroic» history. Thus, cinema brings Americans back from their own virtual history-simulacrum to reality, opening up the possibility of a deeper understanding of America both as a civilization type and as a specific collective identity of Americans. Understanding no longer from the point of view of its ruling elite, but simply of a human being. This fact gives hope for establishing deeper human relationships between America and other civilizations which it views as the «Others».

Key words: Russia, America, China, American civilization, civilizational identity, Other, empire of trust, O. Spengler, T. Madden, E. Gibbon, M. Lerner, J. Baudrillard, F. F. Coppola, A. Penn, passionate outburst.

Введение

В данном фрагменте работы, посвященной диалогу в отношениях на рубеже XX–XXI веков между Россией и Америкой, с одной стороны, и Россией и Китаем, с другой [Хренов, 2020], мы, не теряя основной нити анализа этого диалога, как в его позитивных, так и в возможных негативных проявлениях, сосредоточимся в большей степени на цивилизационной идентичности и ментальности Америки, достигшей в своем становлении как типа цивилизации пика и, возможно, уже того состояния, когда начинается ее надлом. Осмысление отношений между цивилизациями начал еще в начале XX века Шпенглер [Шпенглер, 1998]. Он первым пронизательно ощутил и сформулировал начавшийся кризис лидерства Запада или той закономерности в мировой истории, которую он назвал «европоцентризмом». Запад переставал быть лидером, роль которого он до XX века играл. Это спровоцировало обсуждение и необходимость понять, кто эту роль будет осуществлять дальше. Любопытно, что, например, чуть позже в качестве претендентов Х. Ортега-и-Гассет называл две цивилизации – Америку и Россию, не пользуясь, правда, понятием «цивилизация» [Ортега-и-Гассет, 1997]. Китай в обсуждении возможного лидерства не включался. Он слишком – в стороне и существует сам по себе. Правда, как оказалось, до определенного времени [Герт, 2011]. Следует сказать, что то, что Америка и Россия обращают на себя внимание уже в XIX веке, фиксировали и в России, причем, начиная со славянофилов [Флоровский, 1993].

Так, констатируя преклонный возраст европейских народов, впадающих в старческий сон, в оцененение, И. Киреевский констатировал: «изо всего просвещенного человечества два народа не участвуют во всеобщем усыплении, два народа, молодые, свежие, цветут надеждой: это Соединенные Американские Штаты и наше отечество» [Флоровский, 2002]. Чуть позже молодость Америки и России, выделяющихся на фоне предполагаемого всеобщего оцененения старых народов, отметит А. Герцен. Приводимые им факты эти быстро развивающиеся молодые страны сближают. «Читая летопись семейства Багровых, я был поражен сходством старика, переселившегося в Уфимскую провинцию с «сетлерами», переселявшимися из Нью-Йорка куда-нибудь в Висконсин или Иллиноис... Когда Багров сзывает со всех сторон народа засыпать плотину для мельницы, когда соседи с песнями несут землю и он первый торжественно проходит по побежденной реке, так и кажется, что читаешь Купера или Ирвинга Вашингтона» [Флоровский, 2002].

Однако показательно следующее: Шпенглер, насчитавший 8 цивилизаций, Америку еще цивилизацией не видит. Видимо, проблема ее особости в истории цивилизаций не была еще актуальной, ибо она хотя и называлась Новым Светом, но все еще мыслилась входящей в Старый свет его частью, продолжением [Старостин, 1991]. Это однако не мешало реальной Америке, спустя время, а именно после второй мировой войны демонстративно заявить, кто отныне в истории будет лидером. В. Кожин точно писал о том, что, например, трагедия Хиросимы была

своеобразным высказыванием на тему, кто отныне в мире занимает ведущее положение. «Американское правительство совершенно точно знало, – писал он – что через две-три недели Япония капитулирует, никаких сил уже нет. Это было сделано для того, чтобы показать, кто отныне хозяин мира. Ради этого десятки тысяч людей были превращены в радиоактивную пыль. И решение приняли ничем не рисковавшие люди» [Вадим Кожин..., 2005, с. 221].

Результаты исследования

Является ли Америка «империей доверия»?

Парадокс заключается в том, что для того, чтобы утвердить себя именно в роли мирового лидера, Америка как транслятор передовых либеральных идей и свободы, как она себя считает, должна была трансформироваться в империю, и она таковой стала. Но как совместить империю и свободу? Да, мы – империя, – пишет американский историк Т. Мэдден [Мэдден, 2010, с. 21]. Но какая? Т. Мэдден рассуждает так. Бывают империи подчинения. Практически в истории все империи такими и были. И бывают империи доверия. Такие империи – исключение. Но такой была римская и такой империей доверия сегодня преподносит себя миру Америка. Она не имеет стремления ввязываться во все мировые конфликты. Но, утверждает Т. Мэдден, если ей приходится это делать, то только потому, что она вынуждена реагировать на просьбу других народов о помощи. Но едва ли это так.

Однако хотя американцы, как и русские, гордятся своей страной, столь богатой и сильной, но и они время от времени задают вопрос, который не так давно задали американский кинорежиссер Оливер Стоун, активно сегодня обсуждающий на экране политику Путина и ситуацию на Украине, и его соавтор Питер Кузник в своей книге. «Почему наша страна размещает во всех уголках земного шара свои военные базы, общее количество которых, по некоторым подсчетам, перевалило за тысячу» [Стоун, Кузник, 2014, с. 12]. Но ведь Америка не только мирно размещает свои военные базы, она постоянно в разных местах планеты ведет войны и даже тогда, когда ее об этом не просят. Мысль В. Кожина по поводу высказывания о том, кто после второй мировой войны оказывается хозяином мира, высказывания, ради которого десятки тысяч людей были принесены в жертву, вспоминается во время просмотра фильма Френсиса Форда Копполы «Апокалипсис сегодня» (1979). В нем смелый режис-

сер попытался, отбросив официальные установки, объяснить, что стоит за Америкой как «империей доверия». В этом самом «доверии» режиссер сомневается.

Почему это важно? Да потому, что миф об Америке как спасительнице мира и заступнице за слабых народов, что и отождествилось с американской идентичностью, затмил о ней правду. Видимо, эту двойственность и имел в виду М. Хайдеггер, высказывая свое недоверие американизму и сравнивая его с большевизмом. С помощью медиа правда была заменена виртуальным образом. Нужно было вернуться к реальности, а она не столь оптимистична. Роль разоблачителя Америки тогда сыграл не О. Стоун, а Ф. Коппола, Обращаясь к теме войны во Вьетнаме, Ж. Бодрийяр справедливо писал об этой войне как о «войне телевизионной», доказывая, что американцы воюют, используя два вида оружия – авиацией, как это и покажет Ф. Коппола, и информацией («Это реальная бомбардировка неприятеля и электронная всего остального мира» [Бодрийяр, 2000, с. 119]. Хотя американцы во Вьетнаме проиграли, но в виртуальном пространстве все же выиграли. Но выиграли ли они в реальности? Ведь то, что показал Ф. Коппола, – это то, что Америка время от времени и не только во Вьетнаме демонстрирует как Апокалипсис. Разве этот Апокалипсис американцы не устроили уже в Японии?

Реальное и виртуальное в образе Америки: демифологизации виртуального образа Америки в фильме Ф. Ф. Копполы

В основу фильма Ф. Копполы положена повесть Джозефа Конрада «Сердце тьмы», и, конечно, какие-то ее элементы были перенесены в фильм. Но только какие-то. Ф. Коппола сохранил главных персонажей – персонажа, от имени которого ведется повествование и второго – загадочного и таинственного персонажа, которого пытается понять главный герой-повествователь. Ф. Коппола сохранил в фильме даже его имя – Курц. У него в фильме эту роль играет Марлон Брандо. Интрига в повести Д. Конрада состоит в том, что главный герой загнипнотизирован Курцем, о котором все говорят, что он – необыкновенный, исключительный, что он – гений. Но герой пытается постичь Курца самостоятельно. Да, у Д. Конрада Курц, действительно, исключительный. Но он, в том числе, и безумен. Как и в повести, в фильме Курц возглавляет те обряды, в которых принимают участие населяющие эти

джунгли туземцы. Они воспринимают Курца кем-то вроде вождя или божества. Коппола сохраняет интерес героя к Курцу и отношения Курца с местным населением.. Но он модернизирует сюжет, наполняя его военными мотивами, связанными с оккупацией американскими войсками Вьетнама. Это уже не служащий торговой фирмы, а профессиональный военный. География у Коппола конкретизируется. Это Вьетнам, а Курц – один из представителей американской армии, который по причине своего безумия выходит в своих действиях за пределы и устава, и человеческой морали. А потому его следует убрать, точнее, ликвидировать. С этой целью герой и направляется в джунгли. Конечно, некоторые конрадовские персонажи в фильме отсутствуют. Но зато появляются новые персонажи, например, чрезвычайно важный для фильма и идеи режиссера персонаж по имени Килбор.

Фильм Ф. Коппола начинается с традиционного для авантюрного сюжета эпизода, в котором уже успевший много повоевать капитан спецназа Бенджамин Уиллард получает секретное задание устранить переставшего быть адекватным и дотеле зарекомендовавшим себя блестящим военным полковника Уолтера Курца. О какой неадекватности Курца идет речь? Дело в том, что участие в военных столкновениях с вьетнамцами («проклятыми косоглазыми»), как выражается один из военных) стало причиной того, что Курц, которому прочили высокий пост и блестящую карьеру в самом Пентагоне, сходит с ума. Он не выдерживает того каждодневного напряжения, которое испытывают во Вьетнаме американские военные. Эту тему в фильме превосходно выражает поведение главного героя. Выясняется, что Курц уже не только не выполняет приказы командования (он убивает самовольно, в том числе, и нужных командованию для допроса лидеров вьетнамского сопротивления), но покидает место дислокации, оказываясь в нейтральной Камбодже, собирает из местного населения боевой отряд и командует им, не подчиняясь предписаниям, приходящим из Пентагона. Пополнившие его отряд местные жители не смеют его слушаться и относятся к нему как к богу.

Все свидетельствует о том, что война приводит человека к одичанию, к регрессу психики и возникновению той самой первобытной орды, которую покажет в своем фильме А. Прошкин. Анализ этого фильма был предпринят в предыдущем очерке. А в этой орде отсутствует всякое

представление о ценности человеческой личности. На территории, в которой действует под командованием Курца вооруженный отряд, царит вакханалия насилия, повсюду висят и лежат трупы убитых. Но Курц оказывается не просто убийца, но еще и философ насилия. Безумный философ. Но в этом его безумии есть тоже какая-то правда. Он формулирует ту норму поведения человека на войне, которую, собственно, как свидетельствуют другие эпизоды фильма, осуществляет не только Курц, но и те десантники, которые без всякой причины способны выжигать напалмом целые территории с беззащитными людьми и целыми селениями. По сути, спустя десятилетия после бомбардировки японских городов Хиросимы и Нагасаки, режиссер возвращается к теме насилия на войне, пытаясь осмыслить психологические нюансы. Так, в финале фильма Курц, уже догадываясь, чем закончится задуманное командованием его жертвоприношение, формулирует кредо американского десантника.

Рассказав историю с хладнокровным убийством детей, которое привело его когда-то в ужас, он признается, что со временем осознал правоту палачей, выводя из своего рассказа ту норму, что реализуется на войне. «Нам нужны люди, – говорит он – обладающие высокой моралью, но в то же время способные мобилизовать свои первобытные инстинкты и убивать без чувства, без страсти, не пытаясь рассуждать». Ничего себе мораль, причем, высокая, которая способна сосуществовать с первобытным инстинктом. Уж не мораль ли это ницшевского сверхчеловека, которая всем известна в редакции идеологов нацизма. Только не сострадать, только не судить потому, что если сострадать и судить, чего требует элементарная человечность, то именно это и делает палача уязвимым, лишает его необходимого для военного мужества. Значит, это сострадание необходимо преодолеть, переступить. Но, видимо, эту норму как раз и демонстрировал не только рассказ Курца о расстрелянных детях, но и сброшенные на японские города атомные бомбы.

Но не только. Ведь то, в чем убежден Курц и что предстает для него нормой, – это уже не рожденная в сознании потерявшего разум человека, каким предстает в фильме Курц, теория. Ведь, по сути дела, предыдущие эпизоды фильма, связанные с трудным продвижением катера по реке в поисках укрывшегося в джунглях Курца, уже превосходно иллюстрируют ту норму,

что сформулирует Курц. Конечно, как старается прокомментировать мысль Курца Ф. Коппола, это норма не только технически совершенной и доблестной американской армии, а норма, которая могла возникнуть лишь в сознании сумасшедшего. Но так ли это? Всем ходом действия режиссер показывает, что эта норма давно усвоена и действует. Ее заново постигает герой фильма Уиллард, который должен после выполнения задания Курца сменить. Так в фильме появляется подполковник Билл Килбор, которому приказано содействовать исполнению приказа, полученного Уиллардом. Килбор, конечно, разум пока не потерял, но удивительно, что всем своим поведением он иллюстрирует те «озарения», что приходят в голову сумасшедшего Курца.

Килбор готов прикрыть катер от вьетнамцев. Но ему известно, что место, через которое должен пройти катер, сильно укреплено вьетнамцами. Если он рискнет прикрыть катер, то возможны жертвы. Американские солдаты могут быть убиты. Первоначально он такой вариант отвергает. Но ему все же приходится его реализовать. Почему? Да потому, что, как оказывается, он – фанатик серфинга, скрашивающего его пребывание во Вьетнаме. После перестрелок Килбор любит поразвлечься на воде с доской. Узнав, что среди команды Уилларда находится знаменитый в Америке чемпион по серфингу и задумав тут же на месте дислокации военных с ним состязание, он все же принимает решение сопровождать катер, что оборачивается жертвами, которых можно было избежать. Но что Килбору жертвы? Разве это не иллюстрация к теории сумасшедшего Курца? И поскольку подполковник Килбор – профессиональный военный, занимающий в американской армии высокую должность, то получается, что то, что Курц считает нормой, – это и его, Килбора норма, а, следовательно, это и норма доблестной американской армии вообще. Не зря Пентагон отказал Ф. Копполе в помощи снимать военные эпизоды.

Но к Копполе не придерешься, ведь философия насилия исходит из уст сумасшедшего Курца, а действия Килбора вроде бы к этому не имеют отношения. Но если действия Курца осуждаются, то действия Килбора – нет. Так фильм рискует из антивоенного превратиться в антиамериканский. Однако дело тут вовсе не исчерпывается страстью Килбора к серфингу. Ведь это именно Килбор командует испепелить напалмом целую деревню. Что там какая-то деревня во Вьетнаме, если норма испробована на

двух многолюдных японских городах. Уж не является ли для Килбора уничтожение вьетнамцев таким же развлечением, что и серфинг. Похоже на это. Килбор – обыкновенный садист, а война дает ему свободу в изживании своих комплексов. Но ведь это уже фашизм по-американски. Но, впрочем, дело ведь не только в Курце и в Килборе. Дело и в каждом из тех персонажей, что составляют команду на катере. Встретив гражданскую лодку с местными крестьянами, подчиненные Уилларда решают проверить, что находится в лодке. Неосторожное движение девушки-вьетнамки, беспокоящейся о спрятанном в ведре ценке, принятое военными за желание взять гранату и метнуть ее в катер (а подобная сцена в фильме только что промелькнула и другая девушка-вьетнамка бросила гранату в вертолет, он взрывается, что и провоцирует Килбора на использование напалма) приводит в движение автомат, в результате чего все мирные люди в лодке погибают.

Получается, что в этой ситуации нет своих и чужих, друзей и врагов. Война делает всех сумасшедшими. Война – это безумие. Когда в финале фильма Уиллард, наконец-то, выполняет приказ командования и с помощью мачете расправляется с Курцем, его внимание привлекает то ли журнал, то ли дневник убитого, а в нем написанная Курцем перед смертью фраза «Сбросьте бомбу. Уничтожьте их всех» Ну, бомбу-то вроде уже бросали в Хиросиме. Но кого всех-то? Вьетнамцев, что сопротивляются американским оккупантам или вместе с вьетнамцами всех тех, кто с ними воюет, т. е. американских солдат? Что взять с человека, потерявшего разум. Конечно, вьетнамцев. Но, может быть, в том числе и американских солдат, ведь у Курца есть причины так поступить, если он догадывается, что командование приняло решение покончить с ним. Ведь из фильма как раз этот вывод и следует. Именно эта война привела к регрессу, к возрождению таких отношений между людьми, которые существовали лишь в первобытном социуме, в доосевое время, когда сострадание и вообще представление о нравственности сформироваться еще просто не успели. Но в наше время в одной из самых совершенных цивилизаций такой регресс происходит в ходе войны. А поскольку война происходит постоянно, то в Афганистане, то во Вьетнаме, то в Ираке, то в Сирии, то современное общество существует в двух измерениях – в цивилизационном, культурном и варварском, первобытном. Хорошо бы, если бы последний

был сведен к минимуму. Но в реальности, может быть, происходит другое: человечество постепенно входит в период варварского возрождения. И дело тут не в панмонголизме, а в кризисе культуры.

В финальном эпизоде в тех местах перед толпой солдат появляется Уиллард, такой же безумный после свершенного им жертвоприношения, каким был и его предшественник Курц. У него вид нового вожака. Во всяком случае его так и воспринимают. Уилларда тоже, как и Курца, эта орда готова принять за бога и почитать как бога. А когда тебя принимают за бога, ты им и становишься. Лицо Уилларда утратило человеческие признаки и становится похожим на лики богов-монстров, застывших на стенах камбоджийских храмов. Блистательный оператор В. Стораро в этих кадрах чисто изобразительными средствами выводит происходящее за пределы истории, договаривая за сценариста то, что Ф. Коппола считает главным. О какой же в данном случае «империи доверия», которую усматривает в Америке с ее доблестной армией Т. Мэдден, можно говорить, если приходящая от Америки помощь в виде военных подразделений каждый раз оборачивается вакханалией насилия в соответствии с формулой убийцы Курца.

Миф о героическом рождении американской цивилизации и реальность, какой она предстает в фильме А. Пенна

Конечно, чтобы ставить такие фильмы, как фильм Ф. Копполы, нужно обладать смелостью и прежде всего быть гражданином, обеспокоенным провалом целой цивилизации в варварство. Говорить об этом, даже если высказываемое им совсем не соответствует установкам власти. Это порождает некоторый оптимизм. Видимо, не погибла еще Америка, не погрузилась в пучину варварства, раз в ней еще существует возможность гражданского высказывания, подобного тому, что позволил себе Ф. Коппола. И это, несомненно, вызывает у всех, кто пытается осмыслить современное состояние мира, чувство уважения к этой цивилизации. Эта цивилизация по – прежнему сохраняет те механизмы, которые позволяют обеспечивать ее целостность, избегать расколов и угрожающего каждой цивилизации регресса в варварство [Мотрошилова, 2010].

Однако фильм Ф. Копполы посвящен лишь одному из событий, правда, весьма значимому в истории этой цивилизации и, следует сказать, опасному для сохранения ее авторитета в мире и

даже ее выживания и совсем неоптимальному для отношений с другими цивилизациями. Хотя и на этом частном примере режиссеру удалось об этой цивилизации сказать много. Но ведь такой гражданский всплеск озабоченности ее судьбой в кино не ограничивается лишь констатацией и оценкой отдельных событий в ее истории. Мысль кинематографистов идет дальше и глубже, касаясь уже происхождения этой цивилизации. Ради спасения авторитета этой цивилизации в мире необходимо было развенчать те мифы, которые когда-то слишком резко расходились с реальностью, но зато способствовали ее быстрому и успешному восхождению, а также и осуществлению ее претензий на лидерство. Некоторые такие мифы касаются генезиса этой цивилизации. Может быть, в момент возникновения Америки уже возникли те комплексы, которые потом в процессе исторического становления этой цивилизации будут лишь воспроизводиться и повторяться.

Известно, что пространство Нового Света заполнялось теми человеческими особями, которые не могли существовать в лишивших людей всякой инициативы старых империях. Старый свет хотя и был цивилизацией, утвердившей свободу и опередивший в этом смысле другие цивилизации, например, Восток, но оказался загромажденным множеством норм и установок (правовых, исторических, конфессиональных, экономических, культурных), затрудняющих пользование этой самой свободой. Получившим свободу в Старом Свете, этой свободы хотелось больше. В Старом Свете накопилось слишком много энергии, которая должна была как-то реализоваться, получить в чем-то выражение. Французская революция, конечно, выпустила эту энергию, а вместе с этим и продемонстрировала варварство, напугав весь мир гильотиной. Но, во-первых, это средство касалось лишь одной страны, а, во-вторых, его оказалось недостаточно. Освоение Нового Света как раз и оказалось таким клапаном, с помощью которого началась реализация инициативы и, соответственно, индивидуализма как в положительном, так и в негативном проявлении. Так, индивидуализм начал проявляться в крайних формах авантюризма. Так герой фильма А. Пенна «Маленький большой человек», о котором у нас пойдет речь, рассказывает о том, как ему пришлось перебрать много самых разных занятий. Был он и помощником мошенника, торговавшего фальшивыми лекарствами и неудачным предпринимателем, которо-

го обокрал его компаньон. Пока случайно не встретился на его пути будущий враг – генерал Кастер. Он и посоветовал герою двигаться на Запад и стать скорняком, ведь там теперь убивают бизонов, а оставшиеся от них шкуры можно пустить в дело.

Этот прорвавшийся дух свободы мог оказаться разрушительным и проявляться в саморазрушении новой общности, если на этой территории не выработаны механизмы нового социума, а, следовательно, консолидации массы переселенцев. Но с чего начать консолидацию? С выработки коллективной идентичности, которая становится способом организованности индивидуализма, отречения от части индивидуальной свободы. И это, несомненно, процесс положительный. Но чтобы возникла идентичность, нужен Другой, причем, не просто непохожий на переселенцев, а враг [Нойманн, 2004, с. 236]. Если он все же не враг, то следует ему образ врага присвоить. Ведь сплачивает именно враг. Но такой Другой к моменту прибытия переселенцев в Новый свет на этих территориях уже существовал. Это – индейцы. Целая древняя цивилизация. Это была их, индейцев, территория, их земля и их культура. На этой территории существует народ со своей уникальной культурой, которой еще не коснулись ни модернизация, ни технизация. Но зачем переселенцам существующая культура? Они начинают жить с чистого листа. Они убеждены, что создадут свою новую культуру. И, кажется, действительно, в конце концов, создали. Вот индейцы и стали для них этим Другим. И не просто Другим, а врагом, который стал нещадно истребляться, безжалостно уничтожаться. Это уничтожение касалось не только мужчин, но женщин, стариков и детей. Так, на вопрос героя, заданный старому мудрому индейцу, зачем он хочет добровольно умереть, он отвечает: иным способом от белых избавиться невозможно. Когда-то на нынешней территории Америки проживало сотни разных племен и около двух миллионов индейцев. К нашему времени их осталось всего 800 тысяч [Карцева, 1976, с. 36].

Можно даже сказать, эта цивилизация началась с геноцида. Индейцы не были врагами, но они ими стали. Их такими сделали. Так начал осуществляться геноцид целого народа, целой древнейшей цивилизации, которая, не пройдя этап модернизации, оказалась уязвимой, не способной сопротивляться и в новых условиях выживать. По сути, эта цивилизация была уничтожена. Не эта ли, кстати, первая апокалиптическая

ситуация породила в Америке комплекс, который потом будет систематически воспроизводиться. и в Хиросиме, и во Вьетнаме, и в Ираке и где-то еще [Раны сознания..., 1985]. Превращение индейцев во врагов, их геноцид был однако поэтизирован и героизирован. Для этого, в частности, был использован столь дорогой сердцу американца жанр вестерна. Так была драматизирована и героизирована история происхождения американской цивилизации. История совершенно виртуальная. История – симулякр. Была создана виртуальная аура героической, побеждающей своих врагов Америки. Аура сильной, процветающей и самой справедливой цивилизации в мире, претендующей на лидерство. Короче говоря, «империя доверия». Как ни странно, для самой Америки это жертвоприношение древнейшего народа оказалось весьма полезным, ведь оно помогло создать легендарный образ основателей этой цивилизации-переселенцам, т. е. своеобразным «культурным героям», которые отныне, как они сами убеждены, поддерживают порядок во всем мире.

Продолжением идеализации Америки оказывается героизация отдельных известных людей Америки, например, генерала Джорджа Армстронга Кастера, прославившего себя и военными подвигами, и своим неподчинением начальству. Генерал Кастер – это реальное историческое лицо. Самыми героическими его деяниями были жестокие расправы с индейцами, естественно, оправдываемыми. Кстати, этот самый Кастер точь-в-точь повторяет образ полковника Курца из фильма Ф. Копполы, пришедшего к мысли о том, что настоящий военный – это тот, кто свободен от сочувствия. Вот эта вера Америки в свое высокое предназначение порождала таких садистов, как кинематографический Килборн и как исторический Кастер. Но время шло, Америка все больше становилась империей, и именно это, видимо, подстегивало необходимость критическое осмысление ауры Америки. Нужно было что-то делать. Началось гражданское пробуждение, правда, с большим запозданием. За образом величия Америки нужно было разглядеть, что рекламируемая и пропагандируемая свобода реальности не соответствует. Так появляется фильм А. Пенна «Маленький большой человек» (1970).

В первом же кадре этого фильма появляется человек, возраст которого перевалил за столетие, который говорит: «Я знал и генерала Кастера, и индейцев, какими они были на самом деле, когда

мне было десять лет». Этой фразой режиссер имеет намерение подсказать зрителю, чтобы тот забыл, что говорилось о Кастере как героической личности, а также об индейцах как врагах, якобы заслуживающих истребления и приобщиться уже не к мифологизированной реальности. А, следовательно, он видит в Кастере не героя, а убийцу, карьериста, целью которого было кресло президента. По сути, фильм разрушал миф о герое. Произошла демифологизация одного из самых известных героев Америки. Нужно было генезис Америки осмыслить заново, используя устные источники, поскольку все другие источники оказываются ложью. В фильме Кастер сначала сходит с ума, отдавая себе отчет в том, что его армия разбита, и ему не быть президентом, а затем и упадет, простреленный стрелами защищавших себя и свою землю индейцев. Ну чем это не двойник подполковника Билла Килборга из фильма Ф. Копполы, который так и остался неразоблаченным и, видимо, после войны он займет место политика-ястреба, а также и сумасшедшего полковника Курца, который в фильме будет не только разоблачен, но и убит.

Продолжается ли в современной Америке пассионарная вспышка?

Наличие таких фильмов, как фильм Ф. Копполы и А. Пенна, свидетельствует о том, что, несмотря на многие ошибки, просчеты и даже злодеяния, связанные с политическим курсом, в этой цивилизации существует и другая Америка, не позволяющая ей регрессировать и порождать тех, кого когда-то Ф. Ницше назвал сверхчеловеком. Другая Америка, способная к раскаянию и критическому осмыслению происходящего. И, кстати сказать, способная возвращаться назад, в ситуацию генезиса своей цивилизации и критически об этом размышлять, как и критически размышлять о более поздних войнах, вспыхивающих по вине Америки в разных точках планеты. Это свидетельствует о том, что Америка и в самом деле в своей истории достигла пика, той высшей точки, которая позволяет ей не замалчивать негативные процессы в своей истории и за виртуальным видеть реальное. Правда, подчас с запозданием. Она и в самом деле сильна, раз уж позволяет себе говорить о своих уязвимых сторонах.

Из огромного массива американских фильмов мы выбрали лишь два значительных фильма и в них обнаружили то, что обычно называют «отрицательными персонажами». Хотя они вовсе

не отрицательные. Ведь никто не осмелится утверждать, что подполковник Килбор – отрицательный, наоборот, его ждет, видимо, за его «подвиги» во Вьетнаме продвижение по службе. Наверняка, он будет увенчан всеми наградами и чинами. Если, конечно, не будет убит. Его ждет судьба реального, исторического персонажа – генерала Кастера из фильма А. Пенна, который был длительное время воспринимаем национальным героем. Он бы и сам себя таковым продолжал подавать, если бы остался в живых. Но он был убит во время сражения с индейцами. После смерти его имя продолжала сопровождать аура героя.

Что все-таки за этими персонажами стоит? Ведь наше исследование – это не просто киноведческий труд. Эти фильмы мы анализируем в связи с нашей основной темой – цивилизациями, которые в наше время вынуждены войти в более тесные взаимоотношения. Так распорядилась история. Но как они могут соприкоснуться и взаимодействовать, если за каждой из них своя история, особые временные длительности [Хренов, 2020]. Каждая из них находится на определенной фазе истории. Эти фазы не совпадают. Ну, в самом деле, что общего в этом смысле может быть между Америкой и Китаем? Одна начала свой исторический путь не так давно, а история другой уходит в глубокую древность.

Если сейчас сосредоточиться на Америке и поставить вопрос – можно ли соотнести образы Килбора и Кастера с фазами в истории цивилизаций, то получается, что персонажи, подобные упомянутым персонажам, могли появиться лишь в ситуации пассионарной вспышки. На их действиях, их сознании отложилась печать повышенной пассионарности. Эта вспышка сопровождала тот период, когда многие смыслы этой цивилизации сосредотачивались вокруг проблемы фронта. Переселенцы объединялись в некую общность, нуждающуюся в том, чтобы распространиться и обустроиться в некоем пространстве, которое до этого занимали индейцы. Их с этого пространства следовало вытеснить. Убрать и, если нужно, то и уничтожить. А чтобы уничтожить, необходимо было присвоить им соответствующий образ, а именно, образ врага. Эти самые переселенцы есть пассионарии, они начали воспринимать индейцев как врагов, что, как им казалось, давало повод их истреблять и тем самым возвеличивать себя. Это, разумеется, аморальное сознание и аморальное поведение. Но оно имело последствия и до сих пор аукнется в

этой цивилизации.

Но ведь получается, что это поведение того самого типа личности, который В. Шубарт называет героическим [Шубарт, 1997]. С точки зрения рядового американца, который, с одной стороны, представляет тип мещанина, а, с другой, тип предпринимателя, Кастер – герой, ведь благодаря таким людям, воспринимаемым в героической ауре, Америка стала тем, чем она есть. С помощью «подвигов» таких «героев» она обрела самосознание себя как сильной, непобедимой и самой справедливой в мире. Но можно ли называть генерала Кастера пассионарным типом? Ведь вроде бы пассионарии воспринимаются в соответствии с героической аурой, людьми исключительными, а, следовательно, в высшей степени моральными. Но кто сказал, что пассионарии – это носители высших нравственных ценностей? Пассионарии – это прежде всего особи, фанатически преданные какой-то идее, и ради этой идеи готовые принести в жертву и свою жизнь, и жизнь других людей. В этом случае, если эти другие люди ассоциируются с образом врага. А с помощью современных мощных технологий такой образ можно легко навязать кому угодно. Это прежде всего фанатики, их фанатизм ослепляет их и может выводить за пределы человеческой морали. Они, конечно, могут, действительно совершать героические подвиги, но они же, ослепленные идеей, способны выступать насильниками и демонстрировать неслыханную жестокость, что и показано в фильме Ф. Копполы. Возьмите, например, революционеров – французских, русских, любых других. Да, это герои, но, как часто можно наблюдать, они способны перерождаться.

Фильм А. Пенна появился в то время, когда нарастает отчуждение, связанное с цивилизацией и когда интеллигенция во всех странах мира начала проявлять интерес к философии М. Хайдеггера, в которой, как казалось, открывалась какая-то новая истина бытия и следующая вслед за Ницше радикальная переоценка всех ценностей [Пегеллер, 2019]. Лучше всего это начали ощущать молодые люди. Этот интерес к философии М. Хайдеггера нарастал, несмотря на то, что выдающийся философ запятнал себя сотрудничеством с Гитлером и одно время даже питал иллюзию «вести вождя», т. е. быть духовным наставником вождя национал-социализма. Но не все так просто. Известно, что феноменология М. Хайдеггера возвращала к первоистокам. Она связывается с высвобождением утраченного, упу-

щенного и оставшегося заслоненным. Отсюда его интерес к первоистокам античной философии, к Гераклиту, Пармениду, а также к Востоку и, в частности, к Лао-цзы. Но в Америке в этом смысле есть свой сюжет. Это индейцы с их архаическим восприятием мира. По сути, у А. Пенна речь идет о реабилитации индейцев и их культуры. Реабилитации того, что пассионарная Америка не поняла и поспешила уничтожить.

Именно в философии М. Хайдеггера возник более точный образ современного человека как обезличенного Ман с присущей ему агрессией, ведущей к самоистреблению и, быть может, к истреблению окружающего его мира. Не случайно вождь шайенов – старый Вигвам – говорит: «Белые не любят друг друга, и рано или поздно один из них убивает другого». В свете этого нового рождающегося и нарастающего настроения возникает возможность реабилитации индейцев, представляемых ранее с помощью жанра вестерна врагами, а на самом деле, являющихся тем оставшимся до прихода туда переселенцев островом в мире отчуждения, в котором человек еще сохраняет традиционный взгляд на мир, связан с землей и имеет тот запас человечности, который в технизированном мире становится дефицитом. Для индейца земля, камни, вода одухотворены, в то время как у белых все оказывается мертвым. Да и сама любовь к технике оказывается, по мысли Э. Фромма, некрофильским комплексом.

Хотя фильм сохраняет традицию вестерна, по сути, в нем происходит нечто неожиданное – реабилитация индейцев, а также чувство вины американцев за геноцид целой цивилизации. Американцы входили в большую историю на основе геноцида. Критик Д. Дэнби, оценивая фильм А. Пенна, писал: «Согласно фильму, белые истребляли индейцев не потому, что хотели захватить их землю, реки, меха, не потому, что боялись их, или попросту из – за неизбежного расизма. Они убивали их потому, что белые по своей природе не могут не убивать» [На экране Америка..., 1978, с. 193].

Мы не случайно для анализа выбрали именно фильм А. Пенна. Ведь история, связанная с Диким Западом, не ушла в прошлое. Ее можно точнее представить в свете тех настроений, что имели место в 60-е годы прошлого века, которые и вызвали к жизни фильм Ф. Копполы, настроений, касающихся так называемого «вьетнамского синдрома». «Это фильм о геноциде, об индейцах и о Вьетнаме, и Артур Пенн хочет выразить в

нем предупреждение – пишет критик П. Кэйл – Избиение беспомощных индейцев, показанное на экране, похоже на избиение жителей вьетнамских деревень, и этот фильм показывает тесную эмоциональную связь между двумя событиями» [На экране Америка..., 1978, с. 196]. Но если особи типа генерала Кастера – это порождение тех фаз в истории цивилизации, на которых можно фиксировать пассионарное напряжение, а именно, такой фазой и является эпоха фронта в Америке, то как быть с Килбором? Ведь это уже другая эпоха. Можно ли утверждать, что время Килбора, а именно, 60-е годы XX века, когда Америка напала на Вьетнам, что это тоже ситуация пассионарной вспышки? Но разве в истории таких вспышек бывает много?

Применима ли к современной Америке историческая закономерность, открытая Э. Гиббоном?

Да, можно считать, что инерция пассионарности в Америке, начавшись в предшествующих столетиях, дошла до XX века. Тот энергетизм, что сопровождает такие вспышки, американцами все еще не растрочен. Он еще проявляется в их агрессии в самых разных точках планеты. Это продолжение той энергии, которая когда-то возникла и в этой достаточно молодой цивилизации все еще продолжает быть реальной. Можно даже утверждать, что XX век – это что-то вроде пика в истории Америки, создавшей свою культуру и представшей самостоятельной цивилизацией. Ее превращение в самостоятельную цивилизацию тоже обязано пассионарной вспышке. Но утверждать, что это состояние может длиться еще долго, конечно, нельзя. Со временем пассионарность ослабевает, а цивилизация в ходит в фазу надлома. На примере фильма В. Дзурлини «Пустыня Тартари» мы далее покажем, какие последствия имеет фаза надлома цивилизации для психологии героического типа личности.

То обстоятельство, что Америка достигла в своем развитии пика, позволяет поставить вопрос, может ли этот пик для этой цивилизации опасным. Но поскольку мы констатировали способность Америки к покаянию, то как не задаться вопросом, а все ли сопоставленные нами цивилизации к этому способны. Эта мысль у нас возникает не случайно, ведь в России такая традиция существует давно. Россия постоянно демонстрирует эту способность, что не удивительно. Ведь это американцам сложно каяться, ибо история у них отсутствует, ее просто нет, а сле-

довательно, они свободны от традиций, в том числе, и от традиций покаяния. Не то – Россия. Не случайно горбачевская перестройка начинается с покаяния, получившего выражение в фильме Т. Абуладзе «Покаяние». Не случайно также все творчество А. Солженицына связано с осмыслением всего опыта прививки марксизма в России, революционной и постреволюционной истории с нравственной точки зрения. И не случайно, что покаянию А. Солженицын посвящает даже целую статью [Солженицын, 1995, с. 55].

Книга процитированного нами Т. Мэддена носит рекламный и пропагандистский характер. Ее автор, естественно, подает Америку с выгодной стороны. Но, несмотря на впечатляющую мощь этой цивилизации, все же напрашивается мысль: а не пора ли уже писать о ней сочинение не в духе Т. Мэддена, а в духе Э. Гиббона. Э. Гиббона как автора многотомной истории римской империи интересовала одна идея – когда началось падение этой империи, как это разворачивалось и почему это падение столь мощной империи все-таки произошло. Ведь эта ее непревзойденная мощь все-таки, в конце концов, не спасла ее от заката. Нет, Гиббон – честный историк, и он не отрицает всех достоинств Рима, описывая лучшие эпохи в его истории. Но при этом он эту историю прослеживает лишь в одном, нами названном ракурсе, и эта мысль у него есть даже в названии его труда.

Что же, в конце концов, выяснил Э. Гиббон? А то, что самая высшая точка взлета Римской империи оказалась уже и началом его падения, краха. Началось это задолго до катастрофы. И не от внешнего вызова погиб Рим, не от начавшего распространяться христианства, которое своими заповедями, как хотелось думать, его подточил, а от существующих внутри него процессов. «Судьба города, который мало-помалу разросся в империю, так необычайна, что останавливает на себе внимание философа, – пишет он, – Но упадок Рима был естественным и неизбежным последствием чрезмерного величия. Среди благоденствия зрел принцип упадка; причины разрушения размножались вместе с расширяющимся объемом завоеваний, и лишь только время или случайность устранили искусственные подпорки, громадное здание развалилось от своей собственной тяжести. История его падения проста и понятна, и вместо того, чтобы задаться вопросом, почему римская империя распалась, мы должны бы были удивиться тому, что на существовала так долго» [Гиббон, 2008].

Уж не потому ли американский кинематограф систематически воссоздает зрелища катастрофы (недавно был выпущен фильм еще об одной катастрофе – фильм «Чернобыль» (реж. Й. Ренк, 2019), что где-то в подсознании существует страх, что симулякр, называемый Америкой, является весьма непрочным и хрупким, несмотря на всю его силу. Вот и Ж. Бодрийяр говорит о коллективной жажде катастрофы в Америке, что похоже на правду, поскольку этот комплекс постоянно затрагивает американский кинематограф. Хотя Ж. Бодрийяр предупреждает, что все связанное с катастрофой, это для американца есть всего лишь игра. Игра-то игра, но, оказывается, взрыв башен в сентябре 2001 года может предстать уже и реальностью. Но бог с ним, с Э. Гиббоном. Мы берем мыслителя, более нам близкого. Причем, не отечественного пропагандиста, который бы порадовался выводу Э. Гиббона и постоянно его тиражировал с помощью медиа. Впрочем, эта мысль и без сноски на Э. Гиббона часто воспроизводится на телевидении и в прессе. И не случайно воспроизводится, ибо это как раз и является конструированием американской идентичности, того, как в России воспринимают Америку.

Мы обращаемся к мыслителю из группы философов-постмодернистов, к Ж. Бодрийяру, одному из тех, кто постоянно прибегает к понятию «симулякр». Ж. Бодрийяр и Америку представляет таким вот симулякром, превращающим мощь Америки в иллюзию. А то, что в этой культуре многое – от симулякра, свидетельствует виртуализация ее истории, которую мы иллюстрировали с помощью фильма А. Пенна. В связи с этим Ж. Бодрийяр даже задает вопрос: реально ли могущество Америки или это только симуляция могущества? Отвечая на него, Ж. Бодрийяр пишет, что хотя Америка продолжает развиваться теми же темпами, что и раньше, когда она была в центре внимания, сегодня она уже не та. «И если она (Америка – Н. Х.) была более могущественна в течение двух десятилетий после второй мировой войны, то идеи и страсти, противостоящие ей, тоже были сильнее. Американская система могла быть жестоко атакована (даже изнутри – в 60-70-е годы). Сегодня Америка уже утратила прежнюю гегемонию и уже не играет роль монополиста, но в каком-то смысле ее лидерство бесспорно и неоспоримо. Она была воплощением могущества, а стала моделью (предприятием, рынком, свободной инициативой, перформансом), которая является универ-

сальной даже для Китая» [Бодрийяр, 2000, с. 194].

А все-таки является ли Америка самостоятельной цивилизацией?

Касаясь Китая, о котором речь пойдет в следующем очерке, Ж. Бодрийяр невольно затрагивает и вопрос об отношениях между цивилизациями. Для того, чтобы глубже рассмотреть отношения между этими тремя цивилизациями, нам следует также предварительно поставить вопрос о том, а правильно ли мы поступаем, называя Америку, Россию и Китай цивилизациями. Вопрос этот не из легких. Во всяком случае, он обсуждается. Например, в связи с Америкой обратимся к сочинению историка и социолога М. Лернера, книга которого об американской цивилизации только в одной Америке переиздавалась тридцать раз. Естественно, что прежде, чем назвать Америку цивилизацией, М. Лернер делает экскурс в историю попыток именно такого обозначения Америки, в частности, он обращается к сочинениям Шпенглера и Тойнби [Тойнби, 2003]. Видимо, в первых десятилетиях XX века, когда Шпенглер создавал свой философский бестселлер, никто Америку не воспринимал самостоятельной цивилизацией. Трудно было также предсказать, в каком виде может предстать Америка, хотя влияние ее во всем мире уже ощущалось.

Китай по-прежнему сохранял спокойствие и свою самостоятельность, правда, его неподвижность под воздействием русской революции заметно изменялась. И, пожалуй, только Россия с ее революционной вспышкой заметно передвинулась в первые ряды, начав претендовать на роль лидера. «Создавая свою теорию в эпоху между двумя мировыми войнами – пишет М. Лернер – он (Шпенглер – Н. Х.) еще не сумел разглядеть в Америке что-либо большее, чем просто усеченный морфологический образчик, не слишком хорошо укладывающийся в его теорию ритмов культуры и цивилизации. В его глазах Америка представлялась чем-то вторичным, производным, боковым побегом (или даже болезненным наростом) на стволе западной культуры» [Лернер, 1992, с. 76]. В отличие от Шпенглера, не рискнувшего сделать категорические выводы по поводу Америки как цивилизации, М. Лернер по этому вопросу имел свое мнение. Но однако же до того, как изложить свое мнение, он все же приводит мнение и авторитетного А. Тойнби. Для А. Тойнби Америка хотя и отрывалась

от западной цивилизации, но все же продолжала с ней сохранять связь и, следовательно, входит в ее состав. «На Америку он (Тойнби – Н. Х.) смотрел как на национальное государство, существующее на границе этой (западной – Н. Х.) цивилизации, как на бесплодного и малоинтересного потомка христианской индустриальной культуры, несущего на себе все ее проклятья и не располагающего особыми добродетелями, чтобы им противостоять» [Лернер, 1992, с. 76].

Заключение

Изучив необходимые источники по этому вопросу, М. Лернер, наконец, формулирует свою точку зрения. Америку он без колебания называет типом цивилизации. «Подвергая сомнению скептические выводы Шпенглера и Тойнби, я вовсе не намерен отстаивать шовинистический взгляд на Америку как на источник и центр западной цивилизации, – пишет он, – однако хотел бы задать вопрос: до коих пор мы будем рассматривать Америку лишь как фрагмент более крупной цивилизации, чей центр располагается за пределами нового материка?» [Лернер, 1992, с. 77]. И вот данное М. Лернером окончательное определение Америки как самостоятельной цивилизации. «Хорошо это или плохо, но Америка есть то, что она есть, – совершенно самостоятельная культура с множеством собственных характерных черт, со своим образом мыслей и схемой власти, культура, сопоставимая с Грецией или Римом как одна из великих и независимых цивилизаций в мировой истории» [Лернер, 1992, с. 77]. Вот так. Таким образом, не прошло и столетия после появления философского бестселлера Шпенглера, не заметившего Америку как самостоятельную цивилизацию, цивилизацию будущего, как у М. Лернера она получает статус самостоятельной цивилизации, идентичность которой на данный момент в наиболее актуальном ключе попробовал объяснить Ф. Фукуяма [Фукуяма, 2019]. Что делать, ведь история в XX веке разворачивается в ускоренных ритмах. Это обстоятельство, конечно, не могло не иметь последствий для расклада сил в истории цивилизаций на новом ее этапе.

Библиографический список

1. Бодрийяр Ж. Америка. Санкт-Петербург : «Владимир Даль», 2000. С. 119, 194.
2. Вадим Кожин в интервью, беседах, диалогах и воспоминаниях современников. Москва, 2005. С. 221.
3. Герт К. Куда поведет Китай, туда пойдет мир. Как китайские потребители меняют все. Москва : Юнайтед Пресс, 2011.
4. Гиббон Э. Закат и падение Римской империи. В 7 т. Т. 4. Москва : Терра – Книжный клуб, 2008. С. 624.
5. Карцева Е. Эволюция жанра. Москва : Искусство, 1976. С. 36.
6. Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Т. 1. Москва : Радуга, 1992. С. 76, 77.
7. Мотрошилова Н. Цивилизация и варварство в эпохи глобальных кризисов. Москва : Канон- Плюс, 2010.
8. Мэдден Т. Империя доверия. Как Рим строит новый мир. Как Америка строит новый мир. Москва, 2010. С. 21.
9. На экране Америка. Москва : Прогресс, 1978. С. 193, 196.
10. Нойманн Н. Использование «Другого» в формировании европейской идентичности. Москва, 2004. С. 236.
11. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. Москва : Издательство «Весь мир», 1997. С. 43–163.
12. Пеггелер О. Новые пути с Хайдеггером. Санкт-Петербург : «Владимир Даль», 2019. 637 с.
13. Раны сознания. Американские писатели и журналисты об агрессии США во Вьетнаме. Москва : Прогресс, 1985.
14. Солженицын А. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // Солженицын А. Публицистика. Т. 1. Статьи и речи. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1995. С. 55.
15. Старостин Б. Историософия Шпенглера в наше время // Европейский альманах: История. Традиция. Культура. Москва, 1991.
16. Стоун О., Кузник П. Нерассказанная история США. Москва : Колибри, 2014. С. 12.
17. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. Москва : Айрис –пресс, 2003. С. 407.
18. Флоровский Г. Евразийский соблазн // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. Антология. Москва : Наука, 1993.
19. Флоровский Г. О народах неисторических (страна отцов и страна детей) // Основы евразийства. Москва : Арктогея – Центр, 2002. С. 422.
20. Фукуяма Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. Москва : Альпина Паблишер, 2019. 256 с.
21. Хренов Н. Между Америкой и Китаем. «Другой» в становлении и трансформации цивилизационной идентичности России // Китай, Россия, США. Искусство. Гуманитарные науки: От поколения к поколению. Материалы Международной конференции / под ред. Т. С. Юрьевой, Г. Л. Тульчинского. Санкт-Петербург : Издательство «Скифия – Принт». 2020. 78 с.
22. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2-х т. Москва : Мысль, 1998.

23. Шубарт В. Европа и душа Востока. Москва : Русская идея, 1997. 446 с.

Reference list

1. Bodrijjar Zh. Amerika = America. Sankt-Peterburg : «Vladimir Dal'», 2000. S. 119, 194.

2. Vadim Kozhinov v interv'ju, besedah, dialogah i vospominanjah sovremennikov = Vadim Kozhinov in interviews, conversations, dialogues and memories of contemporaries. Moskva, 2005. S. 221.

3. Gert K. Kuda povedet Kitaj, tuda pojdet mir. Kak kitajskie potrebiteli menjajut vse = Where China leads, the world will follow. How Chinese consumers are changing everything. Moskva : Junajted Press, 2011.

4. Gibbon Je. Zakat i padenie Rimskoj imperii = The decline and fall of the Roman empire. V 7 t. T. 4. Moskva : Terra – Knizhnyj klub, 2008. S. 624.

5. Karceva E. Jevoljucija zhanra = Genre evolution. Moskva : Iskusstvo, 1976. S. 36.

6. Lerner M. Razvitie civilizacii v Amerike = The development of civilization in America. T. 1. Moskva : Raduga, 1992. S. 76, 77.

7. Motroshilova N. Civilizacija i varvarstvo v jepohi global'nyh krizisov = Civilization and barbarism in times of global crises. Moskva : Kanon- Pljus, 2010.

8. Mjedden T. Imperija doverija. Kak Rim stroit novyj mir. Kak Amerika stroit novyj mir = The Empire of trust. How Rome is builds a new world. How America is building a new world. Moskva, 2010. S. 21.

9. Na jekrane Amerika = America on screen. Moskva : Progress, 1978. S. 193, 196.

10. Nojmann N. Ispol'zovanie «Drugogo» v formirovanii evropejskoj identichnosti. = The use of the «Other» in the formation of European identity. Moskva, 2004. S. 236.

11. Ortega-i-Gasset H. Vosstanie mass = Rise of the masses // Ortega-i-Gasset H. Izbrannye trudy. Moskva : Izdatel'stvo «Ves' mir», 1997. S. 43–163.

12. Peggeler O. Novye puti s Hajdeggerom = New ways with Heidegger. Sankt-peterburg : «Vladimir Dal'», 2019. 637 s.

13. Rany soznaniya. Amerikanske pisateli i zhurnalisty ob agreszii SShA vo V'etname = Wounds of con-

sciousness. American writers and journalists on U.S. aggression in Vietnam. Moskva : Progress, 1985.

14. Solzhenicyn A. Raskajanie i samoogranichenie kak kategorii nacional'noj zhizni = Remorse and self-restraint as categories of national life // Solzhenicyn A. Publicistika. T. 1. Stat'i i rechi. Jaroslavl' : Verhne-Volzskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1995. S. 55.

15. Starostin B. Istoriosofija Shpenglera v nashe vremja = Spengler's historiosophy today // Evropejskij al'manah: Istorija. Tradicija. Kul'tura. Moskva, 1991.

16. Stoun O., Kuznik P. Nerasskazannaja istorija SShA = The Untold Story of the USA. Moskva : Kolibri, 2014. S. 12.

17. Tojnbi A. Civilizacija pered sudom istorii = Civilization at the trial of history. Moskva : Ajris –press, 2003. S. 407.

18. Florovskij G. Evrazijskij soblazn = Euroasian temptation // Rossija mezhdru Evropoj i Aziej: evrazijskij soblazn. Antologija. Moskva : Nauka, 1993.

19. Florovskij G. O narodah neistoricheskikh (strana otcov i strana detej) = Of non-historical peoples (the country of fathers and the country of children) // Osnovy evrazijstva. Moskva : Arktogeja – Centr, 2002. S. 422.

20. Fukujama F. Identichnost'. Stremlenie k priznaniyu i politika neprijatija = Identity. Striving for recognition and the politics of rejection. Moskva : Al'pina Pabliher, 2019. 256 s.

21. Hrenov N. Mezhdru Amerikoj i Kitaem. «Drugoj» v stanovlenii i transformacii civilizacionnoj identichnosti Rossii = Between America and China. The «Other» in the formation and transformation of Russia's civilizational identity // Kitaj, Rossija, SShA. Iskusstvo. Gumanitarnye nauki: Ot pokolenija k pokoleniju. Materialy Mezhdunarodnoj konferencii / pod red. T. S. Jur'evoj, G. L. Tul'chinskogo. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo «Skifija – Print». 2020. 78 s.

22. Shpengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii = Decline of Europe. Essays on the world history morphology. V 2-h t. Moskva : Mysl', 1998.

23. Shubart V. Evropa i dusha Vostoka = Europe and the soul of the East. Moskva : Russkaja ideja, 1997. 446 s.